

О художественном своеобразии поэзии Некрасова

Некрасов как великий народный поэт воспринял лучшие традиции своих предшественников — Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Гоголя.

Добролюбов держался того мнения, что «нам нужен был бы теперь поэт, который бы с красотой Пушкина и силою Лермонтова умел продолжить и расширить реальную, здоровую сторону стихотворений Кольцова».¹ Из последующих высказываний Добролюбова ясно, что таким поэтом он готов был считать Некрасова.² От Гоголя Некрасов унаследовал всепроникающую и беспощадную зоркость взгляда поэта-сатирика, глубокий гоголевский гуманизм, веру Гоголя в неиссякаемые силы русского народа.

Но Некрасов пошел дальше своих великих предшественников — он существенно расширил рамки содержания русской поэзии, усовершенствовал ее художественную форму.

Как поэт, начавший свою творческую деятельность во времена Белинского — предшественника «полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении»,³ продолживший ее с 40-х до 60-х годов, когда «все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»,⁴ и в пореформенное время, когда Россия осталась в полукрепостничестве, Некрасов неизбежно должен был отразить в своих произведениях новую историческую эпоху, с ее новыми общественными вопросами, новой тематикой.

Новаторство Некрасова сказалось прежде всего в расширении рамок содержания его произведений. Простой народ —

¹ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. II, 1935, стр. 579.

² См. статью Добролюбова «Перепевы», там же, стр. 593—599.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 223.

⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 473.

крепостные крестьяне и городские бедняки — занял в поэзии Некрасова первое место.

Некрасов как никто из его предшественников широко раскрыл в своем творчестве тему «мужика», причем его изображение «мужика» не носило бесстрастно объективного характера, а было пронизано настоящей любовью к нему, до краев переполнявшей его произведения и отнюдь не склонной к идеализации.

Новаторство Некрасова сказалось и в разработке им темы «горемыки» (выражение Белинского), говоря конкретно — городского бедняка. Эту тему было бы, думается, неправильно рассматривать в противопоставлении или резкой обособленности от темы «мужика». И мужик, мыслившийся Некрасовым прежде всего как деревенский бедняк, и обитатель чердаков и подвалов, мыслившийся поэтом, как городской бедняк, оба они принадлежали к трудовому народу, униженному и угнетаемому.

В некрасовских картинах и образах, рисующих городского бедняка, есть свои специфические черты, которые в то же время являются новаторскими чертами. Кто из писателей 40-х годов поднялся до такой суровой правдивости, кто дал такую беспощадную резкость красок, как автор «Петербургских углов»?

Не менее новаторскими по тематике следует признать и такие стихотворения Некрасова, посвященные теме городского бедняка, как «Пьяница», «Еду ли ночью», «О погоде» и т. д.

Изображение друзей народа, какое находим у Некрасова, резко выделяет его среди русских классических поэтов середины и второй половины XIX века. Излишне доказывать, что и эта сторона творческой деятельности Некрасова не может не быть признана новаторской. Внесение революционной темы в русскую классическую поэзию, более того — в русскую классическую литературу вообще, бесспорно, является одной из величайших заслуг Некрасова не только как поэта, но и как гражданина, великого сына великого народа.

Исключительное развитие получило у Некрасова и сатирическое разоблачение врагов народа, т. е. представителей господствующих классов. Образ буржуазного хищника и стяжателя под пером поэта символизирует то нравственное растление в среде капиталистов, которое сопровождает рост капитализма.

Одной из наиболее своеобразных черт некрасовского реализма является отсутствие в нем бесстрастно объективистских элементов, позволяющих в иных случаях сомневаться,

кому или чему принадлежат симпатии автора. В результате субъективная окраска, в большей или меньшей степени, присуща всему творчеству Некрасова. Эта субъективная окраска наиболее яркое выражение находит в той лирической струе, которая буквально пронизывает все произведения Некрасова, придавая им такую ни с чем несравнимую задумчивость.

Видное место среди приемов, усиливающих насыщенность некрасовского творчества лиризмом, занимают столь часто практикуемые им лирические отступления. Они бывают у Некрасова двух родов, соответственно тому, от чьего имени ведется речь: от имени автора или от имени персонажа. Лирические отступления Некрасова, с одной стороны, представляют собой изливания непосредственно прорвавшегося чувства, с другой, формулируют основное и главное в общественном сiede Некрасова. Сугубо лирический характер носят и многие концовки произведений Некрасова.

Новая тематика, новый материал, потребовавшие новых методов обработки, дали возможность Некрасову создать новую, в высшей степени своеобразную художественную форму.

Говоря об этой последней, прежде всего следует остановиться на отношении Некрасова к существовавшим до него литературным жанрам. Отношение это выразилось в том, что ряд жанров, унаследованных от своих предшественников, он подверг настолько значительным изменениям, что они стали восприниматься читателями как существенным образом обновленные, а иногда как совершенно новые.

Поэма в творчестве Некрасова проделала длинную эволюцию. В его ранних поэмах — «Саша», «Белинский», «Несчастные» — ощущается еще власть литературных традиций. Все они имеют индивидуальных героев, подобно поэмам предшественников Некрасова.

Подлинно новаторскими поэмами Некрасова являются «Коробейники» и «Мороз, Красный нос», а в особенности «Кому на Руси жить хорошо».

Что касается историко-революционных поэм Некрасова («Дедушка», «Русские женщины»), то в них принципиально новыми непривычными для русской подцензурной печати являются не только революционная тематика, но и несомненно агитационный их характер.

Печать новаторства лежит на поэме «Современники», которая дает блестящее доказательство того, как поэт с такими могучими силами, как Некрасов, может сатирическое обозрение возвысить до уровня сатирической поэмы, всесторонне

изображающей капитализацию России и безудержное грабительство со стороны имущих классов.

Поэма «Современники» увенчивает собой развитие сатирических жанров у Некрасова, в которых наибольшую печать новаторства носят такие обширные произведения, как незавершенный цикл сатир, «Песни о свободном слове», «Недавнее время», соединяющие в себе элементы стихотворного фельетона и сатирического обозрения. Некрасов, как поэт-сатирик, как крупнейший новатор в области сатирических жанров, стоит в одном ряду с таким непревзойденным, единственным в своем роде мастером сатирических жанров в прозе, как М. Е. Салтыков-Щедрин.

Наряду с поэмой и сатирой пристального внимания заслуживает столь распространенный в творчестве Некрасова жанр стихотворной новеллы (например «В дороге», «Орина, мать солдатская»).

Поэма, сатира, сатирическая поэма, социально-психологическая новелла, этот перечень основных жанров Некрасова будет неполным, если мы не присоединим к нему получившую особое развитие в творчестве Некрасова песню. «... стихи, которых невозможно пропеть, едва ли заслуживают имени стихов»,¹ — писал Чернышевский, выражавший в данном случае, как и во многих других, чисто народное отношение к искусству.

Несомненно, что широчайшее внесение песенной стихии позволяет поставить вопрос о новаторстве Некрасова и в этой области. Здесь новаторство поэта особенно ярко проявляется в том, что он владеет удивительной способностью создавать песни, настолько по своему складу и ладу напоминающие подлинно народные, что иногда трудно бывает провести грань, где кончается некрасовская песня и начинается подлинно народная. Далее, как песенник, Некрасов отличается тем, что, продолжая дело, начатое Рылеевым и Бестужевым, нередко делает свою песню ярко агитационной и в этих целях стремится насытить ее политическим содержанием. Некрасов смело вступает на этот путь и достигает на нем исключительно успешных результатов, как об этом свидетельствуют многочисленные «песни Гриши» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», в том числе знаменитая «Русь», которую так часто цитировал В. И. Ленин.

Любовно-интимная лирика Некрасова, не занимая в поэзии такого места, как лирика политическая и гражданская, все же

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. II, Гослитиздат, 1949, стр. 555.

представляет значительный интерес по своим новаторским элементам. В ней нашла себе отражение мораль и мировоззрение человека, связанного с демократическими кругами общества, прошедшего тяжелую жизненную школу, изведавшего и труд и горе, научившегося ценить окружающих независимо от их социального положения и даже независимо от того, через какие «бедны» они прошли. Только такой человек и мог написать столь новаторские по своим моральным установкам стихотворения, как — «Когда из мрака заблуждения» или «Еду ли ночью по улице темной». Кроме того, в своей любовной лирике Некрасов в несравненно большей степени, чем многие его предшественники, умеет преодолевать всякую искусственность.

Глубоко реалистичны и подчас изумительны по своей жизненности пейзажи Некрасова (лирика природы), но певцом природы, совершенно оторванной от человека и мира человеческих отношений, Некрасов не был.

Новаторский характер носит и метрика Некрасова. Органическая тяга Некрасова к трехсложным размерам не может быть оспариваема. Из трехсложных стоп особенно мастерски Некрасов пользовался дактилем и анапестом.

Вопросы языка и стиля в наши дни, после работ И. В. Сталина по языкознанию, вооруживших исследователей знанием диалектико-материалистических законов развития языка, приобрели особенно большое значение и требуют к себе исключительного внимания литературоведов. Это внимание должно найти себе выражение в специальных работах научно-исследовательского типа, в особенности, когда дело идет о поэтах исключительного масштаба, как Некрасов.

Язык и стиль великого поэта революционной демократии представляет собой явление довольно сложное.

С переходом от романтических на реалистические позиции Некрасов быстро усваивает язык и стиль корифеев реалистической литературы Пушкина, Лермонтова, Кольцова и Гоголя. Идя вслед за великими реалистами первой половины XIX века, Некрасов поднимает свой язык и стиль на высшую ступень, но удовлетвориться достигнутым не может. Дальнейшее развитие его языка и стиля определяется тем, что он был одним из самых крупных представителей литературы второго периода освободительного движения в России. Вот почему в поэтическом языке и стиле Некрасова должны были проявиться и большую роль в нем приобрести новые элементы. Эти элементы могут быть определены как прозаизмы деловой, газетной, фельетонной статьи в соединении с городским

просторечием. Неудивительно, что некоторые стихотворения Некрасова, — это в особенности относится к его сатирическим стихотворениям, направленным против разоряющихся дворян-помещиков и идущих им на сцену «новых хозяев» — представителей промышленного и финансового капитала, — изобилуют прозаизмами и вулгаризмами, не принятыми в высокой поэзии. Сколько соответствующих примеров можно извлечь хотя бы из одного стихотворения «Балет» (карьера, кредит, ассигнация, серия, бенефис, рысистые скачки, зеленый стол, ростовщик, долговое отделение, меняла, золотой телец и т. д.) и в особенности из поэмы «Современники».

Одним из ярчайших проявлений поэтического гения Некрасова нельзя не признать поразительное умение придавать прозаической стихии в своем языке особый поэтический колорит. Известное стихотворение «На смерть Шевченко» начинается очень прозаически («Не предавайтесь особой унылости: случай предвиденный, чуть не желательный»), а между тем в целом оно полно истинной и глубокой поэзии. Иногда Некрасов пользуется введением прозаических элементов в язык своих произведений для того, чтобы дать возможность их эмоциональным и патетическим нотам сильнее воздействовать на читателей.

Сочетание прозаического языка с поэтическим не только не снижало поэзии Некрасова, но, придавая ей исключительное своеобразие, оригинальность, усиливая ее новаторский характер, поднимало ее на еще бóльшую высоту.

То же самое приходится сказать о том, что разговорная речь, повествовательные интонации, столь часто употребляемые Некрасовым, отнюдь не являются «чуждой стихией» для поэта, его «говорными грехами». Для него, столь тесно связанного с газетной и журнальной публицистикой, с фельетоном, они составляли неотъемлемую принадлежность его творческого метода. Без них Некрасов не был бы тем Некрасовым, которому принадлежит одно из первых мест в русской классической поэзии.

Уже из того немногого, что до сих пор говорилось о языке и стиле Некрасова, ясно, что он неизменно обнаруживал тенденцию к их демократизации. В своем стремлении к демократизации языка и стиля Некрасов счастливо избег опасности загрузить свою поэтическую речь диалектизмами, по примеру некоторых своих предшественников и современников. В ранних его стихотворениях, например «В дороге», встречаются нарочито подобранные слова вроде «варган», «вальжный», «тоись», «учитель-ста», «врезамшись» и т. д. Некрасову, оче-

видно, казалось, что с их помощью достигается наибольшая народность речи. Но с течением времени поэт стал обнаруживать все больший такт в употреблении диалектизмов, избегая всякой преднамеренности и очень ограничивая сферу их применения. Совсем отказаться от них Некрасов едва ли мог, так как очень часто он передает слово рассказчикам или рассказчицам из крестьян, для которых было естественно прибегать к словам, бытующим в крестьянской среде (например «пуще жаль скотинушку», «на Николу вешнего», «погода поуоставилась» и т. д.). Это вносит в его речь большую теплоту и интимность. Той же цели служат как неоднократно констатированное у Некрасова обилие крестьянских слов с ласкательными суффиксами, так и столь частые у него сравнения из крестьянского быта.

Если постоянное обращение к живому народному языку, не исключавшее очень настороженного отношения к диалектизмам, помогало Некрасову усиливать в своей поэтической речи элементы демократизма, то той же цели служило его обращение к устной народной поэзии.

Другим свойством поэтического языка Некрасова, истекающим, в значительной степени, из того же источника, являются его общепризнанные меткость и выразительность, которые делают его особенно доступным для широчайших масс.

Таким образом, все сказанное об языке и стиле Некрасова приводит к не вызывающему никаких сомнений выводу, что они, как и поэзия Некрасова в целом, служили великому делу демократизма. Не загружая языка своих произведений диалектизмами, чуждаясь жаргонов, Некрасов немало способствовал развитию и процветанию своего родного, национального языка, который прежде всего и более всего является языком широких народных масс.

Значение поэтического языка Некрасова становится особенно ясным в свете научных положений труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». «... диалекты и жаргоны имеют узкую сферу обращения среди членов верхушки того или иного класса и совершенно не годятся, как средство общения людей, для общества в целом. Что же у них имеется? У них есть: набор некоторых специфических слов, отражающих специфические вкусы аристократии или верхних слоёв буржуазии; некоторое количество выражений и оборотов речи, отличающихся изысканностью, галантностью и свободных от «грубых» выражений и оборотов национального языка; наконец, некоторое количество иностранных слов. Всё же основное, т. е. подавляющее большинство слов и грамматический строй,

взято из общенародного, национального языка. Следовательно, диалекты и жаргоны представляют ответвления от общенародного национального языка, лишённые какой-либо языковой самостоятельности и обречённые на прозябание».¹

Подведем краткий итог тому, что было сказано о Некрасове, этом великом поэте русской революционной демократии. Он дал непревзойденные образцы поэзии идейной, политически острой, пронизанной самым глубоким и искренним демократизмом, и в то же время поэзии художественно совершенной — и тогда, когда следовал по пути, указанному своими гениальными предшественниками с Пушкиным во главе, и тогда, когда, обретя свой собственный путь, проявил себя глубоко самобытным поэтом, истинным новатором. Естественно, что его поэзия ни в малой мере не отжила и в наши дни.

И. В. Сталину принадлежат замечательные слова: «Только народ бессмертен. Все остальное — преходящее». Некрасов, как певец бессмертного русского народа, умереть не может. Особенно в нашу эпоху, когда все подчинено стремлению к народному счастью.

Конечно, поэзия Некрасова развивалась в тяжелых условиях старого режима, и народ в некрасовские времена был в массе своей темным и отсталым. Наш советский народ, неизмеримо выросший и морально и интеллектуально, уже построил социализм и победоносно движется к коммунизму. В связи с этим перед советской поэзией стоят иные задачи, не те, которые стояли перед Некрасовым. И все же совершенно ясно, что некрасовские традиции живы среди советских поэтов прежде всего потому, что гражданственность, идейность, демократизм, простота и общедоступность формы, а вместе с тем ее высокая художественность — неотъемлемые черты лучших ее представителей. Но ведь эти черты и являются основными чертами поэзии Некрасова. Вот почему, когда мы читаем стихи Демьяна Бедного, стихи такого поэта, как Маяковский, стихи Твардовского и Исаковского, не говоря уже о многих других, мы неизбежно ощущаем в них веяние некрасовских традиций.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 14.